

КОГДА в прошлом сезоне в спектакле Театра на Таганке «Надежды маленький оркестрик» состоялся дебют молодого ленинградского драматурга Семена Злотникова, это как-то прошло незамеченным для московской публики: в спектакле, кроме его пьесы «Два пуделя», игрались еще произведения Александра Володина и Людмилы Петрушевской — среди этих знаковых москвичам имен Злотников не то, чтобы затерялся, но был как-то не очень виден, хотя пьеса понравилась. К сожалению, московские театры в последние годы не так-то уж часто открывают новые имена драматургов — вот и Злотников добирался до столицы весьма кружным путем через Хабаровск, Липецк, Ташкент, Таганрог, Ленинград...

...И наконец добрался. В театре имени Пушкина поставлена его пьеса «Пришел мужчина к женщине», в Московском театре миниатюр — «Триптих для двоих» из трех одноактных пьес: «Мэнээсы», «Бегун и йогиня» и те же «Два пуделя». Поставил оба спектакля И. Райхельгауз, молодой режиссер, заявивший о себе несколько лет назад, а потом куда-то исчезнувший с московского театрального небосклона, тут-то мы и узнали, чем он эти годы занимался — преимущественно тем, что ставил пьесы Злотникова на периферии.

Надо сказать, что появление этих двух имен на афише театра им. Пушкина произошло с некоторым шумом — билеты на премьеру начинали спрашивать уже у метро «Пушкинская».

Естественно, значительную роль в этой вспышке зрительского интереса сыграло название пьесы. И не в том дело, что зритель ожидал чего-то пикантного, и даже не в том, что очень многие любят смотреть и читать «про любовь». Ведь не «Пришел влюбленный к возлюбленной» называется одна пьеса, и не «Триптих о любви» — другая. Нет, тут не любовь, тут какие-то очень сложные, беспокойные и часто мучительные отношения между двумя людьми. Злотников пишет о том новом типе современного обыкновенного человека, о котором Анатолий Васильев, замечательный режиссер, сказал как-то: «...это новое еще очень размыто, нечетко. А надо научиться играть как раз эту размытость и в ней находить драматическое действие». Тут не любовь, а какая-то именно размытая пред-любовь.

Встречаются, чаще всего случайно, двое людей, и мы видим, что обоим им не так уж сладко живется в одиночестве, что может между ними возникнуть близость, и даже возникает она, но потом все рушится, люди расстаются — причем в том-то и парадокс, что нередко они понимают или почти понимают: расставаться не надо, плохо будет обоим. И пьеса об этих людях имеет очень жесткое, я бы сказал,

жанровое, определение: «трагифарс». Вот к телефонистке Дине Федоровне приходит фармацевт Виктор Петрович, и все у них сначала так хорошо получается, несмотря на то что люди они достаточно закомплексованные и застенчивые, а потом что-то разлаживается, и она выгоняет его. Странное ощущение возникает, когда смотришь спектакль театра имени Пушкина, где злотниковских героев отлично играют Н. Попова и Р. Вильдан, — вот идет диалог, и оба говорят именно то, что нужно в данную минуту, и вдруг кто-то из них (чаще — Виктор Петрович) говорит что-то

своими героями только до какой-то степени, а дальше они начинают жить сами, повинуюсь логике собственных характеров.

Только и остается, что надеяться. На обсуждении «Триптиха для двоих» выступал врач-психолог, специалист по некоммуникабельности, как он сказал сам о себе. Он говорил о гуманистичности спектакля, и в устах психолога это суждение было мне особенно дорого и важно. Он говорил, имея в виду своих пациентов, людей как две капли воды похожих на нас с вами, только у нас, считающих себя психически здоровыми, внутренний разлад

того. А я по существу хочу другого».

Это и есть крик души всех героев «Триптиха для двоих», да и пьесы «Пришел мужчина к женщине». Души сегодняшнего обыкновенного человека, у которого все есть, все в порядке — дом, работа, вполне полезная обществу, порой и семья есть, но чего-то ему не хватает, и самое печальное, что он сам не знает чего. Можно отнестись к этому как к блажи, можно возмущенно спросить его: «Что тебе еще надо?» — а он и сам не знает. Драматурги новейшей генерации нащупали эту болезненную точку нашей жизни, и если они не предлагают ясного ответа на вопрос, то только потому, что дать его должна сама жизнь. А пока что они озабочены тем, что человеку бывает плохо, хотя вроде бы нет причин, по которым ему может быть плохо. Все мы помним, какой театральной сенсацией стала одна из пьес этой же драматургической волны — «Взрослая дочь молодого человека» В. Славкина, как восхитались спектаклем А. Васильева зрители — некоторые, может быть, против собственной воли, против собственных театральных вкусов не могли не восхититься. Пьесы С. Злотникова — из той же волны, и речь в них идет по существу о том же: разве что по форме, по конструкции диалога они более традиционны.

И. Райхельгауз отлично понимает эти особенности новой драматургии вообще и пьес С. Злотникова в частности. Это понимание он сумел передать актерам обоих театров, а точнее, даже трех, поскольку женщину во всех трех пьесах «Триптиха для двоих» играет актриса «Современника» Т. Дегтярева (мужчин — А. Пожаров, Ю. Чернов, В. Шимановский). Актерам играть эту драматурию не так уж легко — вспомним слова А. Васильева о размытости того человеческого типа, который представлен в пьесах новой генерации; актеры же, воспитанные на качественно иной драматургии, естественно, тяготеют к определенности характеров своих персонажей — так что здесь им приходится в какой-то мере переучиваться. И в том, что актерам обоих театров это удалось, — немалая заслуга И. Райхельгауза. Можно сказать, что они играют, минуя элементарный оценочный уровень, до поры до времени не думая о том, плохи или хороши их персонажи, добираются до их сути, а уже в итоге обнаруживается их человеческий уровень.

Именно такая режиссура необходима для молодой драматургии. Именно такой режиссуры не хватает сегодня нашим театрам, из-за чего пьесы молодых драматургов слишком медленно проникают на их сцены. Тем ценнее удачи двух постановок пьес Семена Злотникова.

Ю. СМЕЛКОВ.

НАДЕЖДЫ МАЛЕНЬКИЙ ОРКЕСТРИК

не то, что хочет от него услышать женщина, даже, кажется, не то, что сам собирался сказать, и вот из-за таких полубомблук, неточностей все и разлаживается. Новый, нечеткий тип современного человека, который сам себя порой не понимает... драматург точно фиксирует его проявления.

А режиссер точнейшим образом выстраивает своего рода «поддействие» (термин собственного изобретения по аналогии с подтекстом) — стремление этих людей друг к другу через все перегордки, мешающие им. И появляется в стандартной однокомнатной квартире какой-то странный, немножко волшебный сад (художник И. Попов), на ветке сидит полугай, и, кажется, герои, очутившись в этом саду, наконец поймут друг друга, и все будет хорошо... только на поверхности спектакля они в это время ссорятся и обижают друг друга.

Порой прямо-таки ловишь себя на том, что хочется подсказать им нужные, правильные слова, чтобы они смогли все-таки объясниться. И автор, несмотря на то что это трагифарс, явно сочувствует своим героям, оставляет в финале крохотную надежду на лучшее (и на Таганке ведь был «Надежды маленький оркестрик»). А что, кроме надежды, здесь еще можно выразить?... Автор, как известно, властен над

еще не достиг той меры, когда уже надо обращаться к врачу. Но разве в нашем внутреннем мире всегда все так уж благополучно? Вот на фоне современных обоев, изображающих не то лес, не то парк (художники О. Твардовская и В. Макушенко), бежит человек — то трусцой, то более энергично. На нем тренировочный свитер, кеды и трусы с вышитыми на них буквами «М-н», это у него имя такое «Максимилиан». Тут же на лужайке сидит в позе, которая, кажется, называется позой лотоса, женщина, сосредоточенная, ушедшая в себя. Она начинает делать круги возле нее, топчется, топчется — и вдруг говорит: «Жить хочется, верно?» И дальше, преодолевая собственную застенчивость и ее нежелание вступать в разговор с незнакомым, произносит монолог, перебиваемый изредка ее краткими репликами: «Сколько вокруг знающих людей, и не с кем слова молвить, посоветоваться! На двух ногах ходим, на одном языке говорим, а как поговорить!». Ну неужели так трудно, неужели в этом столько необыкновенного, когда один человек у другого человека... Вот я и решил посоветоваться: новая жизнь, со вчерашнего дня начал, можно сказать... Жизнь, вернее, неточно сказал, прежняя, но жить ее хочется... Иначе жить, понимаете?... На меня глядя, можно сказать, например: я хочу

Моск. самиздат, 1982, 20 экз.